

Я б унесся туда, где добро и любовь!

Евреи, с вами жить не в силах,
Чуждаясь, ненавидя вас,
В скитаньях долгих и унылых
Я прихожу к вам всякий раз.
Во мне рождает изумленье
И ваша стойкость, и терпенье.
И необычная судьба,
Судьба скитальца и раба.

Отравлен я еврейской кровью,
И где-то в сумрачной глуши
Моей блуждающей души
Я к вам таю любовь сыновью,
И в час уныний, в час скорбей
Я чувствую, что я еврей!

И.Г. Эренбург

Еврейского характера загадочность
не гений совместила со злодейством,
а жертвенно хрустальную порядочность
с таким же неумным прохиндейством

И.М.Губерман

**Я б унесся туда, где добро и любовь
Прекратили раздоры людей,
Из-за низких страстей проливающих кровь,
Где бы стал моим братом еврей.**

Н.А.Бердяев

Уезжают русские евреи,
покидают отчий небосвод,
потому-то душу, видно, греет
апокалиптический исход.
Уезжают, расстанутся с нами,
с той землей, где их любовь и пот.

Были узы, а теперь узлами,
словно склад, забит аэропорт.
Уезжают.. Не пустить могли ли?
Дождь над Переделкином дрожит.
А на указателе "К могиле
Пастернака" выведено: "Жид"...

Р. Казакова

Под крики толпы угрожающей,
Хрипящей и стонущей вслед,
Последний еврей уезжающий
Погасит на станции свет.
Потоки проклятий и ругани
Худою рукою стряхнёт.

И медленно профиль испуганный
За тёмным окном проплывёт.
Как будто из недр человечества
Глядит на минувшее он...

И катится мимо отечества
Последний зелёный вагон.
Весь мир, наши судьбы тасующий,
Гудит среди лесов и морей.
Еврей, о России тоскующий
На совести горькой моей.

Над площадью базарною
Вечерний дым разлит.
Мелодией азартною
Весь город с толку сбит.

Еврей скрипит на скрипочке
О собственной судьбе,
И я тянусь на цыпочки
И плачу о себе...

Какое милосердие
Являет каждый звук,
А какво усердие
Лица, души и рук,
Как плавно, по-хорошему
Из тьмы исходит свет,
Да вот беда, от прошлого
Никак спасенья нет.

Б.Ш. Окуджава

**Во мне бурлит смешение кровей...
Признаюсь, по отцу я чисто русский.
По матери, простите, я – еврей.
А быть жидом в стране родимой грустно.
Разорван в клочья бедный организм.**

**В какой борьбе живет моя природа!
Во мне слились в объятьях “сионизм”
навек с “Союзом русского народа”.
То хочется мне что-то разгромить,
то я боюсь, как бы не быть мне битым.
Внутри меня семит с антисемитом,
Которых я не в силах помирить.**

Э.А. Рязанов

Ветхозаветные пустыни,
Где жизнь и смерть – на волоске.
Еще кочуют бедуины.
Израиль строит на песке.

Он строит, строит без оглядки.
Но вот прошли невдалеке -
Как хрупки девушки-солдатки!
Израиль строит на песке.

Грозят хамсин или арабы,
Зажав гранату в кулаке.
О чем, поклонники Каабы?
Израиль строит на песке.

Крик муэдзина, глас раввина
Сливаются на ветерке.
Какая пестрая картина!
Израиль строит на песке.

Где проходили караваны,
Вздымая прах из-под копыт,
Взлетают пальмы, как фонтаны,
И рукотворный лес шумит.

На дело рук людей взгляни-ка,
Интернационал стола:
Улада Севера – клубника,
Япончатая мушмала.

Что могут рассказать века мне
На человеческом языке?
Что мир не выстроил на камне
Израиль строит на песке.

Арабский рынок, шум базарный,
Непредсказуемый Восток.
Но, за доверье благодарный,
Не рассыпается песок

Ф.А. Искандер

Мой друг уехал зимой в Израиль.
Сижу, как будто в карман насрали,
Осиротили, украли друга,
А за окошком рыдает вьюга.
А за окошком летают пули,
Фонарь как финку в сугроб воткнули
И сердце просто на части рвется -
Мой друг уехал и не вернется.
Да я и сам бы туда поехал,
Не за деньгами, а ради смеху.
Я б ради смеху купил ермолку,
Надел ермолку, да фиг ли толку?
Не подчиненный и не начальник
Сижу на кухне, простой, как чайник.
Жизнь отравили мою, как Припять.
Мой друг уехал и не с кем выпить.
Жена притихла, как в час погрома,
Я одиноко брожу по дому
И тараканов под зад пинаю,
Хожу и тихонько напеваю:
“Он уехал, он уехал, а слезы льются
из очей”.
Нас обманули, нас разлучили

И слезы горькие, словно чили,
Мне разъедают лицо до кости.
Ах, не езжайте к еврею в гости.
Они напустят кругом туману,
Потом обнимут, потом обманут.
На историческом побережье
Вас обласкают, потом обрежут.
Мой друг уехал, а я остался,
Хотя уехать и я пытался,
Но мне сказали: “Молчи в ладошку
И жуй на кухне свою картошку”.
Сижу на кухне, жую картошку
И, как придурок, молчу в ладошку.
И эта песня, в каком-то смысле
Уже не песня, а просто мысли.
На сердце горечь, в душе обида,
Совсем пропало мое либидо,
Пропал мой юмор и мои феньки,
Пропали спички, и даже деньги.
Возможно, лет, этак, через двадцать,
Он возвратится, что может случиться,
И у могилы моей глубокой
С волненьем скажет такие строки:

**“Что мне сказать в такой печальный час,
чего ни говори, все будет мало.
Такой светильник разума угас,
Такое сердце биться перестало”.**

**Мой друг уехал зимой в Израиль.
Сижу, как будто в карман насрала,
И сердце просто на части рвется -
Мой друг уехал и не вернется.**

М.Н.Кочетков

Я жизнь свою завил в кольцо,
Хоть голову клади на рельсы.
Я так любил одно лицо
Национальности еврейской.

Но всё прошло в конце концов.
В конце концов я тоже гордый.
Я это самое лицо,
В лицо назвал жидовской мордой.

Поцелуй, объятья -
Боли не побороть.
До свидания, братья.
Да хранит вас Господь.

До свиданья, евреи,
До свиданья, друзья.
Ах, насколько беднее
Остаюсь без вас я.

До свиданья, родные
Я вас очень любил.
До свиданья, Россия,
Та, в которой я жил.

Сколько окон потухло,
Но остались, увы,
Опустевшие кухни
Одичавшей Москвы.

Вроде Бабьего Яра,
Вроде Крымского рва,
Душу мне разорвало
Шереметьево-два.

Что нас ждёт, я не знаю
В православной тоске.
Я молюсь за Израиль
На своём языке.

Сохрани ты их дело
И врагам не предай,
Богородица Дева
И святой Николай.

Да не дрогнет ограда,
Да ни газ, ни чума,
Ни иракские СКАды
Их не тронут дома.

Защити эту землю
Превращённую в сад,
Адонай элохейну,
Элохейну эхад.

Всеволод Емелин